

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ПРЕДМЕТ МЕЖОТРАСЛЕВОГО МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2014 г. Юрий Вячеславович Козубенко¹

Краткая аннотация: в статье дается анализ общественных отношений, попадающих в сферу уголовно-правового регулирования, в межотраслевом аспекте. Выдвигается мнение о сопряжении различных систем права, находящее свое отражение в структуре уголовного правоприменительного комплекса.

Annotation: the article boils down to the analysis of social relations in criminal legal regulation in inter-branch aspect. It is suggested to be the conjugation of different systems of law in criminal law enforcement structure.

Ключевые слова: предмет регулирования, метод регулирования, механизм уголовно-правового регулирования, взаимосвязь материального и процессуального уголовного права, преступление, уголовное преследование, уголовная ответственность, уголовно-правовой комплекс, ядро предмета регулирования, межотраслевая юридическая конструкция.

Key words: subject of legal regulation, method of legal regulation, criminal legal regulation mechanism, interconnection of substantive and procedural criminal law, crime, criminal prosecution, criminal liability, criminal legal complex, core of legal regulation subject, inter-branch legal construction.

*Суди не по отдельным словам, а по их общей связи
Марк Тулий Цицерон*

По общему правилу от характера, вида общественных отношений, составляющих предмет регулирования как материального, так и процессуального уголовного права, зависят степень обязательности правовых предписаний, формы и методы государственного принуждения, степень детализированности предписаний, напряженность правового воздействия на общественные отношения². Вместе с тем существующие взаимосвязь и взаимозависимость уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений накладывают свой отпечаток на ту среду, в которой функционирует механизм уголовно-правового регулирования, в общей теории именуемый его предметом³.

Суть его заключается в том, что характеристика уголовно-процессуальных отношений неразрывно связана с характеристикой уголовно-правовых отношений. Подобное соотношение между ними определяется главным образом некоторыми особенностями норм материального уголовного права, поскольку последние для своей реализации, для своего применения, как правило, нуждаются в процессуальных нормах. Без применения последних

нормы уголовного права не реализуются, не действуют. Довольно оригинально высказался по этому поводу А.Д. Прошляков: “Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право – это тело, душа и воля. Тело без души мертво, душа без тела – призрак, а отсутствие воли может привести живой организм к параличу”⁴.

Вместе с тем, если речь идет о нормах других отраслей права, например гражданского, то они для своего применения не нуждаются в нормах гражданского процессуального права. Такая необходимость возникает лишь тогда, когда указанные нормы нарушаются, когда возникает необходимость в судебной защите от совершенного деяния.

Поскольку нормы уголовного права в большинстве случаев нуждаются для своего применения в нормах процессуального права, постольку правоотношения, возникающие при применении норм материального уголовного права, также нуждаются в уголовно-процессуальных отношениях. В этом и состоит сущность взаимосвязи уголовно-процессуальных отношений с уголовно-правовыми, которая “выражается в том, что уголовно-правовые отношения реализуются обычно через уголовно-процессуальные, а эти последние

¹ Доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВПО “Уральская государственная юридическая академия”, кандидат юридических наук (E-mail: yuri.kozubenko@usla.ru)

² См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 214, 215.

³ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 376–379.

⁴ Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. С. 22.

возникают и получают свое развитие лишь в связи с уголовно-правовыми отношениями”⁵.

Вместе с тем указанная взаимосвязь этих двух типов (материальных и процессуальных) правоотношений⁶ позволяет четко выделить моменты их начала и прекращения. Последнее является особенно важным, поскольку установление этих временных границ в определенном смысле предопределяет конструкцию таких элементов механизма уголовно-правового регулирования, как уголовное преследование и уголовная ответственность. В то же время в юридической литературе высказаны разные мнения о моментах их начала и окончания. Думается, главный источник существования подобного плюрализма мнений находится, во-первых, в различном понимании природы правоотношения, как такового. Не вдаваясь в дискуссию, представляется верным утверждение о том, что как материальное, так и процессуальное уголовное право имеет свой собственный предмет – общественные отношения, однако не те, которые порождают отношения, требующие правового регулирования, но те, которые подвергаются такому регулированию. Иными словами, правоотношение и отношение, которое непосредственно регулируется нормами права и принадлежит к числу реальных, представляют собой различные явления⁷, и, как уже отмечалось, одно и то же реальное общественное отношение может регулироваться различными отраслями права. В этом контексте правоотношение выступает средством правового регулирования⁸.

⁵ Ривлин А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. 1959. № 2.

⁶ См: Здесь и далее имеется в виду только та группа отношений, которые возникают в связи с совершенным преступлением.

⁷ См: Пожалуй, одними из первых такую точку зрения высказали Ю.К. Толстой и Н.А. Беляев (см.: Беляев Н.А. Предмет советского исправительно-трудового права. Л., 1960. С. 18, 19; Толстой Ю.К. К теории правоотношений. Л., 1959. С. 70). Она встречается также у Г.П. Новоселова (см.: Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. М., 2001).

⁸ Интересной позиции придерживается А.А. Васильченко, который в механизме уголовно-правового регулирования объективно существующие связи между адресатами норм уголовного права, выраженные в одном лишь обладании ими, установленными действующим уголовным законодательством взаимно корреспондирующими субъективными правами и юридическими обязанностями (уголовно-правовым статусом), определяет как уголовные правоотношения – средства регулирования, а общественные отношения, подвергшиеся воздействию механизма уголовно-правового регулирования, именует уголовными правоотношениями – результатом регулирования (см.: Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 5).

Во-вторых, применительно к рассматриваемой межотраслевой конструкции механизма уголовно-правового регулирования актуально, что материальное уголовное право регулирует те общественные отношения, которые существовали до совершения преступления – юридического факта, а также те общественные отношения, которые возникли после совершения преступления – юридической конструкции.

Приведенное особенно важно при определении момента возникновения отношений через характеристику средств уголовно-правового регулирования, поскольку, когда поднимаются вопросы связи содержания и формы, речь, как правило, идет относительно различных понятий отдельно к реальному отношению применительно к предмету уголовно-правового регулирования и к правоотношению как средству регулирования либо о различных аспектах (материальном и процессуальном) “качественно однородных” групп общественных отношений.

Сформулированные леммы предопределяют решение вопроса о моменте возникновения и прекращения основного уголовно-процессуального и основного уголовно-правового отношений.

Разрешим его на конкретном примере.

Возьмем широко распространенную формулу о возникновении уголовной ответственности как правоотношения в момент совершения преступления⁹. Сторонники этой точки зрения ссылаются на то, что совершение общественно опасного деяния есть юридический факт, являющийся основанием возникновения уголовно-правового отношения, что общественно опасное деяние морально оценивается лицом, совершившим его, осознается им как нарушение правовой нормы и что лицо испытывает отрицательную оценку своего поведения, выраженную в правовой норме¹⁰.

⁹ См: Козаченко И.Я. Уголовная ответственность // Уголовное право. Общая часть. Учеб. для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1999. С. 72. Подобной позиции придерживаются В.И. Курляндский, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, А.Л. Ременсон, В.М. Коган, А.В. Наумов.

¹⁰ К слову сказать, сторонники иной точки зрения (уголовная ответственность наступает в момент вступления обвинительного приговора суда в законную силу) при обосновании своей позиции также выделяют *объективное* (совершение общественно опасного деяния) и *субъективное* (негативное отношение правонарушителя к запрету его совершения, т.е. вина) основания уголовной ответственности (см., например: Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2000. № 6).

Как известно, любые правоотношения, в том числе и уголовно-правовые, возникают независимо от субъективного отношения лица, совершившего преступление, к самому факту – нарушению уголовно-правовой нормы, о существовании которой, кстати говоря, он мог и не знать. Правоотношение нельзя признавать реально существующим, если не установлены, не персонифицированы конкретные его участники, не определено конкретное содержание этого правоотношения (права и обязанности), а значит, если признать, что уголовная ответственность возникает с момента совершения преступления, не различая, где преступление – это юридическая конструкция, а где – юридический факт, то тогда следует признать, что ее одинаково несут или понесли и лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, дело о котором впоследствии оказалось прекращенным по реабилитирующему основанию, и лицо, в отношении которого вынесен и исполняется или исполнен обвинительный приговор суда!?

А потому неверным было бы считать, что уголовно-процессуальные и уголовно-правовые отношения возникают одновременно с момента совершения преступления и параллельно развиваются. Даже если согласиться с тем подходом, что уголовно-правовое отношение (уголовная ответственность) становится действительным в момент привлечения лица в качестве обвиняемого¹¹, лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, в том числе и то, к которому применена мера пресечения, пока не несет уголовной ответственности. Здесь еще нет уголовно-правовых отношений, здесь только уголовно-процессуальные отношения.

Более того, никакие теоретические конструкции уголовной ответственности, которые переносят момент ее возложения (или начало ее реализации) на ту или иную досудебную стадию уголовного судопроизводства, не могут поколебать основополагающего принципа ответственности – только в судебном порядке, по приговору суда.

Любые процессуальные действия, производимые следователем в ходе досудебного производства: возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения (в том числе и такой суровой, как заключение под стражу) и т.д., – все они есть средство защиты прав и законных интересов лиц

и организаций, потерпевших от преступлений, но никак не реализация уголовной ответственности. Вот почему, например, лицо считается не отбывавшим наказание в виде лишения свободы даже в том случае, если оно ранее осуждалось к лишению свободы в пределах срока нахождения его под стражей в качестве меры пресечения¹².

Именно суд вынесением обвинительного приговора возлагает на виновного уголовную ответственность, поскольку принятием данного процессуального акта завершается формирование состава уголовно-правового отношения (установлен субъект преступления – один из участников отношения). Вынесение судом оправдательного приговора указывает на отсутствие основания уголовной ответственности, а следовательно, состава (или наличия) уголовно-правового отношения.

Вместе с тем во избежание недоразумений, как бы ни трактовалось понятие уголовной ответственности, термин “привлечение к уголовной ответственности” не должен вводить в заблуждение, так как последний в доктрине “понимается как *постановка вопроса* (курсив наш. – Ю.К.) об уголовной ответственности обвиняемого, как исследование этого вопроса с участием самого обвиняемого, имеющего право оспаривать обвинение. Однако сама ответственность обвиняемого еще не установлена, поэтому уголовной ответственности он еще не несет”¹³.

Разумеется, абстрактная обязанность претерпевать ограничения в связи с применением мер государственного принуждения возникает автоматически в момент совершения преступления. Это происходит потому, что уголовно-правовая оценка общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом в качестве преступления, в общем виде уже дана в конкретной уголовно-правовой норме, а также потому, что норма связывает свои требования с фактом совершения преступления, который включает механизм уголовно-правовой охраны. Однако необходимо иметь в виду, что *в момент совершения преступления факта возникает не уголовная ответственность, а обязанность ее понести (на стороне лица, совершившего преступление) и право ее возложить (на стороне государства в лице его правоприменительных органов). Эта*

¹¹ См.: Брагин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 27.

¹² См.: п/п “ж” п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О практике назначения судами видов исправительных учреждений” от 12 ноября 2001 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 1.

¹³ См.: Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 29, 30.

обязанность, абстрактная по своей природе, создает возможность действительной уголовной ответственности, но не саму ответственность, которая всегда персонифицирована.

Для того чтобы возможная ответственность (уголовно-правовое отношение) стала действительной ответственностью, необходима воплощенная в процессуальную форму деятельность государственных органов, уполномоченных принимать меры по изобличению преступника и установлению события преступления (ст. 21 УПК РФ), оценивать (квалифицировать) его сначала предварительно, а затем и окончательно и, наконец, основное – применять санкцию нарушенной уголовно-правовой нормы, т.е. необходимо осуществление уголовного преследования с целью установления лица, совершившего преступление, и опровержения презумпции его невиновности, иными словами – достичь (в материальном смысле) персонификации уголовной ответственности, а в процессуальном – цели уголовного судопроизводства.

В рассматриваемом случае преступление как юридический факт порождает, с одной стороны, основное уголовно-процессуальное отношение¹⁴, но с другой – абстрактную обязанность виновного отвечать. И только новый юридический факт (акт применения санкции уголовно-правовой нормы – обвинительный приговор суда) превращает потенциальное уголовно-правовое отношение в действительное, поскольку именно в приговоре описывается преступление как юридическая конструкция¹⁵. Сказанное справедливо позволяет утверждать, что уголовный процесс является по своему содержанию принудительной формой реализации материальных уголовно-правовых отношений¹⁶.

Уголовно-процессуальные отношения по своей структуре имеют много общего с право-

отношениями, возникающими на основе норм других отраслей права. В то же время они достаточно специфичны, основные их особенности обусловлены своеобразием предмета регулирования уголовно-процессуального права и спецификой норм материального уголовного права. Назовем эти особенности:

1. Уголовно-процессуальные отношения возникают для установления наличного, действительного уголовно-правового отношения или его отсутствия при соответствующих основаниях возникновения первого.
2. В них участвуют субъекты, которые в целом нехарактерны для других отраслей права (например, понятой, специалист). Кроме того, поскольку одним из субъектов, как правило, выступает компетентный государственный орган, уголовно-процессуальные отношения имеют государственно-властный характер
3. Уголовно-процессуальные отношения характеризуются собственным объектом.
4. Они возникают в связи с поступательно развивающимся производством по уголовному делу (любое действие правоприменительного органа выражается в принятии определенного процессуального решения, что, в свою очередь, порождает возникновение соответствующего правоотношения, требующего также производства процессуальных действий и принятия решений).

Вместе с тем, при качественной однородности, т.е. действительном совпадении одной из групп фактических отношений в предметах регулирования уголовного процессуального и уголовного материального права, автору этих строк (не без помощи своих коллег¹⁷), как уже отмечалось, пришлось в свое время выделить различные аспекты этих общественных отношений при описании структуры предмета регулирования уголовно-процессуального права, введя понятие основных, или системообразующих (наряду с производными и сопутствующими) отношений. В итоге эти отношения образовали “ядро” предмета регулирования уголовно-процессуального права¹⁸.

¹⁴ См.: Об основных уголовно-процессуальных отношениях см.: Козубенко Ю.В. Уголовно-процессуальные отношения // Уголовный процесс. Учеб. / Под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М., 2011. С. 36–46.

¹⁵ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 345. Такой же точки зрения придерживается А.Ф. Черданцев. Согласно его мнению юридическая ответственность имеет три основания: **норма права**, предусматривающая ответственность за определенный вид деяний (*нормативная основа*); **правонарушение** как юридический факт (*фактическое основание*); **правоприменительный акт**, с помощью которого мера ответственности конкретизируется, индивидуализируется (например, приговор суда) (см.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. Учеб. М., 2003. С. 282).

¹⁶ См.: Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 202.

¹⁷ См.: Милицин С.Д. Предмет регулирования советского уголовного-процессуального права. Свердловск, 1991.

¹⁸ См.: Милицин С.Д., Козубенко Ю.В. Структура предмета регулирования уголовно-процессуального права // Уголовный процесс. Учеб. / Под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. С. 14–17.

Кроме того, сделанный вывод позволил по-иному выстроить систему процессуальных функций¹⁹ и обосновать их существование в уголовном судопроизводстве в соответствии с группами выделенных общественных отношений в структуре предмета регулирования уголовно-процессуального права.

В рамках основных (системообразующих) отношений, регулируемых уголовно-процессуальным правом, при решении общих задач ради достижения цели судопроизводства были выделены следующие функции:

1) *разрешение уголовного дела*. Данная функция осуществляется судом, который обязан посредством рассмотрения уголовного дела и при наличии к тому оснований разрешить уголовное дело по существу – признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание либо применить принудительные меры воспитательного воздействия, либо освободить от уголовной ответственности и применить принудительные меры медицинского характера и т.п. (ч. 1 ст. 29 УПК РФ);

2) *обвинение*. Осуществление данной функции возложено на органы уголовного судопроизводства, главным образом на прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде (ч. 3 ст. 37 УПК РФ)²⁰, а также subsidiarily (за исключением дел частного обвинения) на потерпевшего (ст. 22 УПК РФ). Суть данной функции состоит в изобличении виновного в ходе предварительного расследования и поддержании предъявленного ему обвинения в судебном разбирательстве;

3) *защита от обвинения*. Эту функцию осуществляет защитник (ч. 3 ст. 49 УПК РФ), обвиняемый (ст. 47 УПК РФ), подозреваемый (ст. 47 УПК РФ), лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (гл. 51 УПК РФ)²¹.

По делам о применении принудительных мер медицинского характера функция защиты не противопоставлена функции обвинения, поскольку в этих делах нет не только обвинения, но даже и подозрения в совершении преступления. В данном случае в функцию защиты включена процессуальная деятельность по указанным делам

(ст. 438 УПК РФ), которая направлена против вывода следователя, утвержденного прокурором, о том, что подзащитный совершил запрещенное уголовным законом деяние, причем по характеру последнего и своему болезненному состоянию представляет опасность для окружающих либо существует возможность причинения им иного существенного вреда (ст. 439 УПК РФ);

4) *расследование*. В рамках данной функции органы следствия и дознания (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания, начальник специализированного подразделения дознания) путем производства следственных действий решают все общие задачи уголовного судопроизводства, а именно: устанавливают событие преступления и лицо, совершившее преступление, изобличая последнего; формируют предмет доказывания по уголовному делу в предусмотренные законом сроки; направляют материалы уголовного дела в суд с обвинительным заключением, в котором отражена правовая квалификация деяния в точном соответствии с уголовным законом. Вместе с тем выполнение данной функции, несмотря на терминологическую схожесть с одноименной стадией, сводится не только к деятельности указанных лиц на стадии предварительного расследования, но и ко всему производству по уголовному делу, в котором принимают участие, например, суд, проводя судебное следствие, или свидетели, эксперты, специалисты, понятые, принимающие непосредственное участие в процессе исследования доказательств по делу;

5) *прокурорский надзор за законностью в сфере уголовного судопроизводства*. Суть данной функции заключается в том, чтобы на всех стадиях уголовного судопроизводства обеспечить правильное применение закона. Предметом данного надзора являются соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

В рамках производных отношений помимо вышеприведенных функций были, во-первых, выделены функция *процессуального контроля*, выполняемая в рамках системы органов дознания (ст. 40-41 УПК РФ) и следствия (ст. 38, 39 УПК РФ), прокуратуры (ст. 37 УПК РФ) и суда (ч. 2 ст. 29, ст. 125, ч. 3 ст. 178, ст. 435, 448, 450 УПК

¹⁹ См.: Козубенко Ю.В. Процессуальные функции в уголовном судопроизводстве // Там же. С. 79–83.

²⁰ См. также: приказ Генерального прокурора РФ (в ред. от 26 мая 2008 г.) “Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства” от 20 ноября 2007 г. // Законность. 2008. № 1.

²¹ См. также: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П // Росс. газ. 2007. 28 нояб.

РФ); в рамках сопутствующих отношений – предупреждение преступления и (или) устранение последствий (условий) их совершения, или *уголовно-процессуальная профилактика* (ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 158 УПК РФ); *поддержание гражданского иска*, осуществляемое гражданским истцом и его представителем (ст. 44, 45 УПК РФ), и *защита от предъявленного гражданского иска*, которую осуществляют гражданский ответчик и его представители (ст. 54, 55 УПК РФ).

Во-вторых, был сделан вывод о том, что содержание метода регулирования уголовно-процессуального права в значительной мере предопределяется природой, характером регулируемых общественных отношений (предметом регулирования уголовно-процессуального права).

Так, группе основных (системообразующих) отношений, выступающих “ядром” предмета регулирования уголовно-процессуального права, присуще *императивное* регулирование, построенное на субординации целей и интересов участников общественного отношения. Эти отношения подчинены публичному интересу, обеспеченному государством в лице своих компетентных органов, которое, в свою очередь, обеспечивает создание гарантий для соблюдения прав и законных интересов граждан. Публичный интерес выступает основой структурирования вышеуказанных отношений.

А *диспозитивное* (его еще называют дискреционным – от англ. “discretion”) регулирование характерно для второй и третьей групп общественных отношений, входящих в предмет регулирования уголовно-процессуального права. Оно, например, может проявляться, когда участник уголовного судопроизводства воспользуется, если посчитает нужным, правом обжалования действий (бездействия) следователя или дознавателя в суд (ст. 123, 125 УПК РФ), чтобы обязать следователя провести очную ставку между потерпевшим и свидетелем, либо предъявит исковое требование о возмещении имущественного вреда к непосредственному причинителю вреда – обвиняемому.

Так был сделан взаимосвязанный вывод о том, что оба указанных приема правового регулирования образуют собственный уголовно-процессуальный метод, являются первичными и даже *магистральными*²².

И в-третьих, несмотря на то что уголовно-процессуальное право находится в генетической и функциональной зависимости от материального

уголовного права, в итоге оно все же образует необходимую, обязательную часть основы правовой системы, а свойственный ей *юридический режим*, под которым понимается определенное сочетание методов, способов и типов регулирования, является самобытным, а по отношению к ряду других отраслей права (например, к уголовно-исполнительному праву) первичным.

Все вышесказанное позволило заключить, что уголовно-процессуальное право (наряду с уголовным) – это фундаментальная отрасль права.

Вместе с тем отслеженная взаимосвязь достаточно очевидна и уже неоднократно была предметом внимания ученых²³. Не случайно дореволюционные учёные-специалисты в сфере материального уголовного права указывали на необходимость различать закон, который нарушается преступником, и закон, по которому он наказывается²⁴. Подчеркнем, однако, что указанная взаимосвязь строится на едином (или основном) реальном общественном отношении, в праве имеющем как материальное, так и процессуальное отражение, а субъекты (участники) этого отношения в той или иной системе права не обязательно являются идентичными, потому что всегда имеются в виду их природа и объем их правомочий. Общее у этих субъектов одно: все они подпадают под сферу правового регулирования в результате взаимодействия нескольких систем права, которые в конечном итоге формируют правовой статус субъекта. В структуре последнего следует выделить правоустанавливающий и правоприменительный аспекты.

Правоустанавливающий аспект заключается в закреплении в нормах различных систем права такого правового статуса личности, при котором она (личность) получает возможность обладать правами и свободами и нести определенные обязанности как с участием государства, так и самостоятельно, а вместе с тем, своими действиями обеспечивать защиту этих прав и свобод, создавать для себя и исполнять обязанности, гарантировав их реализацию как с участием государства, так самостоятельно, путем прямого применения материальных и процессуальных правомочий. Причем приведенные факторы носят сугубо личностный характер, что, как минимум, служит основой для утверждения об универсальности категории пра-

²² См.: Система советского законодательства / Под ред. И.С. Самошенко. М., 1980. С. 45.

²³ См., например: Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982; Прошляков А.Д. Указ. соч.

²⁴ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 29; Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Изд. 4-е. СПб., 1900. С. 41.

восубъектности личности во внутригосударственном, международном и даже зарубежном форматах.

Правоприменительный аспект рассматриваемого вопроса заключается в переходе потенциальной возможности личности обладать правами и свободами и нести определенные обязанности в реальные собственные действия или действия, осуществляемые (условно от его имени) государством, в соответствии с процессуальными и материальными нормами²⁵.

Функциональная задача рассмотрения этих аспектов статуса личности – приоткрыть действительное сопряжение национальной и международной систем права, как и показать некоторые свойства отдельных предметов регулирования в результате взаимодействия субъектов различных систем права как одного из существенных факторов межотраслевого толкования предмета механизма уголовно-правового регулирования.

В практике судебных органов РФ на сегодня получило довольно широкое распространение применение норм международного права вне международных правоотношений, их непосредственное воздействие на внутригосударственный правовой порядок²⁶, в связи с чем поменялась (пока все-таки изменяется) ситуация применения общепризнанных принципов и норм международного права к индивидам²⁷, а также применение этих

норм и принципов самими индивидами, или, употребляя более адекватные формулировки, физическими лицами, личностью, человеком. Об этом, к слову сказать, недвусмысленно намекает и Конституция нашего государства, согласно ч. 1 ст. 17 которого в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ.

Учитывая вышесказанное, посмею утверждать о существовании на межотраслевом уровне *совмещенного* для различных систем права предмета регулирования, обозначив его как предмет механизма уголовно-правового регулирования.

Нормативная основа данного предмета отнюдь не ограничивается отраслями материального и процессуального уголовного права, хотя частично основывается на их взаимосвязи.

Следует согласиться с Г.В. Игнатенко, что “сегодня уже отпадает потребность в возражениях, аргументации, доказывающей прямое действие международно-правовых норм, ибо такое действие и, значит, их непосредственное применение – это очевидная, проявляющая свою жизнеспособность функция международно-правовых норм”²⁸, а потому предмет регулирования международного права имеет материальную и процессуальную уголовно-правовую внутригосударственную “прописку”. В этом случае “национальные исполнители международных норм, в том числе индивиды, остаются исключительно субъектами внутригосударственного права, статус и действия которых осложнены ориентацией предмета международного права”²⁹.

Кроме того, на необходимость непосредственного применения норм права иностранных государств при регулировании реальных общественных отношений, в том числе и в уголовно-правовой сфере, также указывает и национальный законодатель (например, в п. 3 ст. 1256 ГК РФ при установлении процессуального статуса потерпевшего по уголовному делу о нарушении авторских прав).

Таким образом, нормативная основа такой межотраслевой юридической конструкции как механизм уголовно-правового регулирования обогащается не только нормами материального и процессуального национального уголовного права, но и нормами права иностранных государств и меж-

²⁵ Несколько иначе, в целом разделяя данную точку зрения, высказывается А.А. Васильченко: “Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения – средства регулирования входят в единый механизм уголовно-правового регулирования, занимая в нем промежуточное звено между нормами уголовного и уголовно-процессуального права и актами их реализации. Роль данных правоотношений заключается в том, что они при наличии предусмотренных названными нормами конкретных жизненных обстоятельств (юридических фактов) позволяют через императивный метод регулирования перевести абстрактные возможности и необходимость в плоскость конкретных, адресных субъективных прав и юридических обязанностей индивидуально определенных субъектов” (см.: *Васильченко А.А.* Указ. соч. С. 6).

²⁶ Так, по утверждению Г.В. Игнатенко, это свидетельствует о совмещении (сопряжении) и, следовательно, качественно более значимом, более эффективном взаимодействии внутригосударственной и международно-правовой регламентации в правоприменительном процессе (см.: *Игнатенко Г.В.* Международное право: предмет регулирования как комплексная конструкция в рамках системного исследования // *Росс. юрид. журнал.* 2011. № 1).

²⁷ Например, Военная коллегия Верховного суда СССР при вынесении обвинительного приговора Ф.Г. Пауэрсу признавала его виновным в преступном нарушении общепризнанного принципа международного права, устанавливающего исключительный суверенитет каждого государства над воздушным пространством, находящимся над территорией этого государства (Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Ф.Г. Пауэрса. М., 1960).

²⁸ *Игнатенко Г.В., Игнатенко А.В.* Избранное. Екатеринбург, 2012. С. 148.

²⁹ *Игнатенко Г.В.* Указ. соч.

дународного права, входящих в структуру единого уголовного правоприменительного комплекса³⁰, обеспечивающего их согласованное применение.

Подобное решение вопроса имеет важное теоретическое и практическое значение. Проявляющаяся в предмете механизма взаимосвязь входящих в него конструкций обогащает как сами эти конструкции, так и механизм уголовно-правового регулирования как межотраслевое явление.

Кроме того, учитывая, что вышеприведенная сопряженность систем права достаточно динамична, на первый план выходит и метод регулирования (его роль и значение уже явно не сводятся исключительно к функции разграничения задеятельствованных отраслей права в предмете механизма). Метод не только предопределяет уголовную политику государства, повышает значимость уголовно-правового регулирования, но и определяет императивный характер механизма, его (если можно так выразиться) “серую окраску”, что обуславливает общий фон борьбы с преступностью. Интересно, но факт – мы не одиноки в своих измышлениях: “В настоящее время имеет смысл пересмотреть значение метода правового регулирования, сместив акцент с его роли, как дополнительного критерия выделения отраслей права, на исследование проблем, связанных с совершенствованием механизма правового регулирования”³¹.

Так вот – в межотраслевом механизме уголовно-правового регулирования имеет смысл рассматривать метод регулирования не с позиций отдельно взятой отрасли, а в надотраслевом

аспекте. Разница заключается в том, что при рассмотрении метода регулирования конкретной отрасли права как набора средств и приемов регулирования, как, например, в материальном уголовном праве, где метод определяется как система “взаимосвязанных элементов – средств (обязываний – активных и пассивных – и дозволений) и приемов уголовно-правового регулирования (привлечение к уголовной ответственности, освобождение от уголовной ответственности и неприменение уголовной ответственности)”³², в надотраслевом уровне неизбежно вскрываются “нотки” императивного (и усеченно диспозитивного) регулирования. Как известно, это является общим как для материального, так и процессуального уголовного права. Причем напомним, что в каждой фундаментальной отрасли права содержание отраслевого метода предопределяется природой, характером регулируемых общественных отношений (предметом регулирования)³³.

Таким образом, предмет механизма уголовно-правового регулирования обуславливает и позволяет не только показать необходимый срез общественных отношений, подпадающих под его воздействие в рамках уголовно-правового пространства, и спрогнозировать черты и свойства отраслевых юридических конструкций, но и доказать, продемонстрировать существование ранее неизвестных конструкций и невидимых аспектов уголовно-правового регулирования.

И наконец, подобная трактовка механизма уголовно-правового регулирования позволяет покончить с дискуссиями, порой даже по фундаментальным вопросам доктрины материального и процессуального уголовного права, некоторые из которых до сих пор остаются нерешенными.

³⁰ По свидетельству Г.В. Игнатенко, впервые суждение о правоприменительных комплексах прозвучало на научном симпозиуме, состоявшемся в апреле 1984 г. на заседании Ученого совета Института государства и права Академии наук СССР совместно с представителями Свердловского юридического института (см.: *Игнатенко Г.В., Игнатенко А.В.* Указ. соч. С. 153, 154). О структуре уголовного правоприменительного комплекса речь пойдет в следующих главах настоящей работы.

³¹ *Альференко А.В.* Метод регулирования в уголовном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 17.

³² Там же. С. 11, 12, 19. Отметим, что даже при характеристике приемов уголовно-правового регулирования у А.В. Альференко невольно прослеживается взаимосвязь материального уголовного права с процессуальным, ведь привлечение к уголовной ответственности – это не что иное, как уголовное преследование!

³³ См.: *Козубенко Ю.В.* Метод регулирования // Уголовный процесс. Учеб. / Под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. С. 18.